ПО ПОВОДУ «ЗАМЕЧАНИЙ» М. ГЕЙДАРОВА

ЛЕНА ХАНЛАРЯН

В Москве в издательстве «Наука» в 1973 г. вышел в свет наш перевод с древнеармянского на русский язык «Книги историй» армянского историка XVII в. Аракела Даврижеци—источника, содержащего богатые сведения по истории армянского и соседних народов, давно известного научным кругам по французскому переводу.

Спустя два года в «Известиях» АН Азерб. ССР были помещены «Замечания о предисловии и комментариях Л. А. Ханларяна к сочинению Аракела Даврижеци «Книга историй» перв. с арм. М., 1973 г.», где автор, М. Х. Гейдаров, заявляет: «Введение» и «Комментарий»... страдают серьезными методологическими и научно-теоретическими ошибками...»¹.

Остановимся на этих «серьезных методологических и научно-теоретических ошибках».

Обвинение М. Гейдаровым переводчика и издателя «Книги историй» начинается следующей сентенцией: «Прежде всего, бросается в глаза переоценка Л. А. Ханларяном (Гейдаров полагает, что Л. Ханларян—мужчина—Л. Х.) сочинения Аракела Тебризского² и некоторая идеализация его личности»³.

М. Гейдаров, приписывая Л. Ханларяну идеализацию личности Аракела и переоценку его труда, прибегает к приему извращения текста и своеобразному способу его цитирования. Так, если во «Введении» речь идет об армянской историографии позднего средневековья⁴ и месте Аракела Даврижеци в ней, то автор «Замечаний», неоднократно солидаризируясь с Л. Ханларяном⁵, вдруг резко возражает и противоречит не только издателю, но и самому себе. «А. Тебризского,—пишет Гейдаров,—можно считать видным представителем армянской историографии XVI—XVII вв., однако такая оценка его Ханларяном нам кажется далека не объективной»⁶.

¹ М. Гейдаров, Замечания о предисловии и комментариях Л. А. Ханларяна к сочинению Аракела Даврижеци «Книга историй» («Известия АН Азерб. ССР», серия истории, философии, права, 1975, № 2, стр. 105).

² М. Гейдарову, непримиримому борцу против архаичных фраз и терминов, следовало бы проявить большую последовательность и не употреблять устаревших собственных имен.

³ М. Гейдаров, указ. соч., стр. 105.

⁴ Аракел Даврижеци, Книга историй, М., 1973, стр. 15, 28, 30.

⁵ М. Гейдаров, указ. соч., стр. 105, абзац I, IV.

⁶ Там же, стр. 105.

Начав свою оценку А. Даврижеци рассуждениями об армянской историографии XVI—XVII вв., Гейдаров завершает ее мыслями об «*историографии периода правления Сефевидов*» и приводит длинный перечень авторов персоязычных источников, от Хондемира до Бидлиси. Работы перечисленных М. Гейдаровым авторов не являются *первоклассными источниками по истории армянского народа* и никоим образом не могут соперничать с трудом Аракела Даврижеци.

Кроме того, И. П. Петрушевский, один из лучших знатоков персоязычных источников и социально-экономической истории Азербайджана, в подробном обзоре источников, которые перечисляются и в обсуждаемых «Замечаниях», называет основные труды Хондемира компиляциями⁷, пишет, что Гасан-бек Румлу «об армянах и грузинах... говорит мало и скупо»⁸, об одном отделе труда Бидлиси говорит, что он «мог бы служить одним из основных источников, наравне с армянскими источниками»⁹ (подчеркнуто нами—Л. Х.). К тому же следует оговориться, что основные описываемые Аракелом события не вмещаются в хронологические рамки работ названных авторов.

Искендер Мюнши, в сочинениях которого довольно много места уделено истории Армении, по характеристике того же И. П. Петрушевского, «нередко оказывается в известной мере объективным»¹⁰. Таковы беспристрастная оценка трудов, перечисляемых Гейдаровым, и место сочинения Аракела Даврижеци в общем ряду исторических источников по интересующей нас проблеме.

Как известно, крупнейшие советские исследователи дали весьма высокую характеристику «Книге историй» Аракела, назвав ее «*первоклассным источником по социально-экономической истории Армении, а также Азербайджана*», подчеркивая «осторожное и критическое отношение ее автора к сообщаемым фактам»¹¹, «независимость от официальной иранской правительственной точки зрения, которой в большей или меньшей степени не чужды *все персидские источники* кроме Шереф-Наме»¹² (подчеркнуто нами—Л. Х.).

Эти исследователи нередко проверяют, уточняют и дополняют¹³ данные иностранных источников «исключительно ценными» сведениями, сообщаемыми Аракелом Даврижеци, поскольку даже в передаче дав-

⁷ И. П. Петрушевский, Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., Л., 1949, стр. 21. Добавим, что турецкие источники этого периода являются такими же компиляциями. Во всяком случае, лучшие из них, труды Кятиба Челеби, содержат факты, которые, как убедительно показал в своем исследовании А. А. Папазян, во многом совпадают с данными Аракела Даврижеци, но не добавляют к ним ничего нового по истории армянского народа («Труды Кятиба Челеби как источник по истории Армении (XVII в.)», М., 1967, стр. 17—18).

⁸ И. П. Петрушевский, указ. соч., стр. 29.

⁹ Там же, стр. 31.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 49.

¹³ Там же, стр. 32, 49—50.

них сведений он опирается на факты, приводимые памятными записями рукописей (т. е. на факты, сообщаемые очевидцами), цитирует их. В этом сила Даврижеци. И за эту документальную достоверность, богатство и многосторонность материала, за критическое отношение к нему автора и за независимость от официальной историографии труд его высоко ценят все востоковеды¹⁴.

Можно ли назвать идеализацией отношение Л. Ханларян к Аракелу Даврижеци, когда во «Введении» и в «Комментариях» специально вычлняются слабые стороны «Книги историй», приводятся их конкретные проявления. Так, во «Введении» говорится: «К слабым сторонам «Книги историй» Аракела Даврижеци можно отнести обилие постороннего материала, подчас не имеющего ничего общего с содержанием книги, частые повторения фактов.., неоднократно прерывающаяся нить повествования с вводом постороннего материала и последующим возвращением к старой теме, некоторая упрощенность стиля и т. д.»¹⁵. Неоднократно подчеркивается, что некоторые главы «стереотипны, не отличаются художественным вкусом и эмоциональностью.., подчас кажутся заимствованными и вписанными в «Книгу историй» без критического анализа»¹⁶, некоторые «описания... производят впечатление... констатации общезвестных фактов»¹⁷ и, наконец, что все это—«дань времени» и отражение «мировоззрения автора»¹⁸.

Особо подчеркивается субъективизм Даврижеци в оценке социальных движений в Турции и Грузии. Во «Введении» говорится: «Аракел Даврижеци, член монашеской братии Эчмиадзина, ревнитель национальной церкви, выступая... как апологет христианства армяно-григорианского толка, глубоко верящий в истинность этой религии и ее преимущества по сравнению с мусульманством, непрестанно подчеркивающий это обстоятельство, не мог относиться одинаково к мусульманскому властителю и христианскому ученому-вардапету. Субъективизм автора проявляется также в оценке движения джалалиев в Турции, их огульной отрицательной характеристике, а также в несколько наивном объяснении причин, вызвавших восстание под руководством Георгия Саакадзе»¹⁹ в Грузии.

Так в чем же «переоценка Л. А. Ханларяном сочинения» Аракела Даврижеци и «идеализация его личности»?

Далее, во «Введении» к «Книге историй» сказано: «... В рассказах Аракела о «чудесах святых отцов» и «знамениях» на могилах «святых мучеников» звучит *протест трудящихся масс* средневековой Армении

¹⁴ Подробнее об этом см. И. П. Петрушевский, указ. соч., стр. 49—50; А. С. Тверитинова, Восстание Кара Языджи-Дели Хасана в Турции, М.—Л., 1946, стр. 19—20, 54, 66, 72.

¹⁵ Аракел Даврижеци, указ. соч., стр. 29—30.

¹⁶ Там же, стр. 29.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Аракел Даврижеци, указ. соч., стр. 25—26.

против насилия светских и духовных властей, против господствующего класса феодалов Турции и Ирана, завладевших Арменией, против насильственной их исламизации в коренной Армении и городах, принадлежавших персам и туркам. Ибо, как известно, в средние века «классовая борьба протекала... под знаком религии» и «интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой»²⁰. Эта борьба и даже смерть во имя национальной религии (что, в сущности, было лишь формой борьбы за национальную независимость), борьба армянской колонии г. Львова против притязаний католической церкви и иезуитов, безусловно, имели положительное содержание, несмотря на религиозную форму²¹.

А вот как читает этот абзац и к каким заключениям приходит автор «Замечаний»: «Но самое курьезное в суждении автора заключается в том, что, по его мнению, армянский народ был готов идти на «смерть во имя национальной религии». Ведь это так называемая «национальная религия» прежде всего была идеологией феодалов и стояла на защите их интересов»²².

Приведенный абзац и его «цитирование» М. Гейдаровым недвусмысленно говорят о следующем: автор «Замечаний» не хочет видеть в абзаце ни четко сформулированной мысли о том, что «в рассказах Аракела... звучит протест трудящихся масс средневековой Армении против насилия светских и духовных властей, против господствующего класса феодалов Турции и Ирана, завладевших Арменией...», ни заключительной мысли о том, что «эта борьба и даже смерть во имя национальной религии (что, в сущности было лишь формой борьбы за национальную независимость), борьба... против... католической церкви и иезуитов, безусловно, имели положительное содержание, несмотря на религиозную форму», ни даже ставшую хрестоматийной истиной цитированную нами мысль Энгельса...

Пренебрегая всем этим, автор «Замечаний» утверждает свое: «Что касается религиозной формы народного протеста, то в средневековом обществе проявлял себя в виде ереси и в борьбе против ортодоксальной религии...»²³. Только ли? Историкам-марксистам хорошо знакомы слова Энгельса о том, что «революционная оппозиция против феодализма», проходящая через все средневековье, «в зависимости от условий времени... выступает то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания»²⁴ (подчеркнуто нами—Л. Х.). А М. Гейдаров пускается в прямолинейные и упрощенные рассуждения об официальной религии и ее роли в жизни народа, забывая, что официаль-

²⁰ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 7, стр. 360).

²¹ Аракел Даврижеци, указ. соч., стр. 29.

²² М. Гейдаров, указ. соч., стр. 106.

²³ Там же, стр. 107.

²⁴ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 7, стр. 361).

ной религией и религией господствующего класса на оккупированной родине Аракела Даврижеци был ислам. И представители последнего неограниченно пользовались своим правом духовного, да и не только духовного, порабощения армян, которые боролись против господствующего класса и его религиозного засилья всеми доступными им средствами.

И хотя основная задача средневекового христианства (как и любой другой религии) заключалась, по характеристике В. И. Ленина, в том, чтобы «отваживать» угнетенных «от революционных действий», «подрывать их революционную решимость»²⁵, в периоды борьбы против светской власти или *конкурирующей церкви* христианская церковь, держащая в своих руках гигантскую стихию потенциальной народной активности, подчас выпускала на волю небольшую дозу этой активности, позволяя народу выступить против своего врага²⁶.

Армянская церковь в описываемый Аракелом Даврижеци период попустительствовала борьбе народных масс против ислама в коренной Армении и католицизма в армянской колонии г. Львова, более того, она вдохновляла ее, руководила ею. Эта борьба против конкурирующей веры издавна была в традициях армянской церкви. Вот что писал известный французский путешественник Ж. Шарден, побывавший во II пол. XVII в. на Востоке: «Это удивительная и, если хотите, чудесная вещь: несмотря на то, что они (армяне—Л. Х.) давно находятся под мусульманским владычеством..., тем не менее крепки своей вере; они ее поддерживают и не хотят принять другую веру, удерживаясь равно как против посягательств мусульман—их властителей, так и против миссионеров римской церкви»²⁷.

Таким образом, мы видим, что главы труда Даврижеци, посвященные борьбе против религиозного засилья мусульманского духовенства и иезуитов, были призваны будить национальное самосознание армянского народа, призывали его к верности родине и к борьбе²⁸. Общеизвестно, что, например, русская церковь уже в XIII в. создала героические фигуры «мучеников за веру» и использовала житийный жанр как средство выражения национального протеста против отатаривания Руси²⁹. Положение армянской церкви интересующего нас периода осложнялось тем, что католикос сам находился в подчиненном, угнетенном положении, и существование Эчмиадзинского католикосата и его патриархов всецело зависело от отношения к ним османских и персидских властителей. Аракел Даврижеци, наряду с другими армянскими историками, приводит множество фактов глумления, физических и мораль-

²⁵ В. И. Ленин, Крах II Интернационала (Полное собр. соч., т. 26, стр. 237).

²⁶ Эти вопросы подробно рассматриваются Б. Ф. Поршневым в монографии «Феодализм и народные массы», М., 1964, стр. 380—411.

²⁷ Цитируется по монографии М. К. Зулаляна—Армения в первой половине XVI в., М., 1971, стр. 88.

²⁸ См. об этом подробнее «Введение» к «Книге историй», стр. 31.

²⁹ «История русской литературы», т. II, М.—Л., 1945, стр. 13.

ных пыток, которым подвергались престарелые духовные лица, нередко весьма высокопоставленные³⁰.

Это имело место, кстати, и при шахе Аббасе I, которого М. Гейдаров безо всякого основания провозглашает «главным покровителем» армянской церкви, Эчмиадзина и армянского духовенства и старается «подтвердить» это данными армянских источников³¹. Здесь хотелось бы ответить автору «Замечаний» словами самого Аракела Даврижеци, который местами действительно не скупится на похвалы шаху Аббасу³², но и не может не подчеркнуть: «Так, вот, если кто воздаст хвалу этому шаху, мол, он любил христиан... вот она—любовь его к христианам, когда весь мир христианский—Армению, Грузию—разорил и всех истребил мечом, голодом и пленом... И тот, кто хочет воздать ему хвалу, пусть сначала обратит взор на дела, содеянные им над христианами, а затем уже воздаст хвалу»³³ (подчеркнуто нами—Л. Х.).

На стр. 106 «Известий» М. Гейдаров категорично заявляет: «Нельзя ничем оправдать анахронистическое распространение автором комментариев (I) терминологии («национальная религия», «национальная независимость»), отражающей суть общественных процессов периода капитализма для феодального общества Армении XVI—XVII вв.». Автор «Замечаний» хочет тем самым напомнить азбучную истину о том, что социально-этническая общность людей, называемая нацией, впервые складывается при переходе от феодализма к капитализму. Но последнее обстоятельство вовсе не налагает табу на употребление прилагательного «национальный».

Дабы не очень распространяться на этот счет, напомним лишь, что Ф. Энгельс говорит о «старых национальностях», которые «погибли под ударами римской мировой империи», о «старых национальных богах», пришедших в упадок, и о том, что «этой участи не избежали даже римские боги, скроенные по узкой мерке города Рима»³⁴. Он же называет Ягве «иудейским, исключительно национальным богом»³⁵ (подчеркнуто нами—Л. Х.). А ведь во всех перечисленных случаях речь определенно идет не о периоде капитализма.

В «Книге историй» Аракел Даврижеци подробно раскрывает сущность переселенческой политики шаха Аббаса I, приводит много интересных фактов. Во «Введении» об этом говорится следующее: «Шах Аббас актом переселения армян в Иран преследовал две цели. Основная, стратегическая цель—опустошение территории, на которую надвп-

³⁰ Аракел Даврижеци, указ. соч., стр. 55, 186, 205—206.

³¹ М. Гейдаров, указ. соч., стр. 106—107.

³² Аракел Даврижеци, указ. соч., стр. 79.

³³ Там же, стр. 127.

³⁴ Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах... (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 21, стр. 313).

³⁵ Ф. Энгельс, «Анти-Дюринг» (К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 20, стр. 329).

галась османская армия. Одновременно шах хотел заселить выходцами из Армении обширные свободные территории вокруг своей столицы Исфахана и дать тем самым мощный толчок развитию торговли и ремесел»³⁶.

Гейдаров же, повторяя эти общезвестные факты по истории так называемого «великого сургуна», «неожиданно» заключает: «В свете вышеизложенного совершенно односторонним выглядит утверждение Л. А. Ханларяна о том, что шах Аббас I преследовал цель только «насильственного выселения армян с родины, насиженных ими мест»³⁷. Выхватывая отдельные фразы, Гейдаров толкует их независимо от текста, по-своему. И... получается, что Ханларян «односторонне утверждает», якобы преследовалась цель только *насильственного выселения армян*.

Но во «Введении» нет ни слова о том, что преследовалась цель *только насильственного выселения*, или что выселялись *только армяне*. Зачем Гейдарову понадобилось подчеркивать, что выселялись не только армяне, но и «магометане и евреи», доказывать, что количество переселенных в глубь Ирана азербайджанцев было гораздо больше, чем армян»³⁸. Судя по общему духу «Замечаний», для того, чтобы лишний раз очернить Л. Ханларян. Ведь он не может не знать, что выяснение количества переселенного шахом Аббасом в глубь Ирана населения и его этнического состава никоим образом не входит в нашу задачу.

Кстати, здесь М. Гейдаров декларативно заявляет: «Исторические факты говорят о том, что количество переселенных в глубь Ирана азербайджанцев было гораздо больше, чем армян». Доступные нам источники не дают ни малейшего основания для подобных утверждений. И хотя вопрос этот принципиального значения не имеет, любопытно было бы узнать, из какого источника черпает свои сведения автор «Замечаний».

В исторической литературе, посвященной этим вопросам, наоборот, принято подчеркивать другое. И. П. Петрушевский пишет: «В экономической политике шаха Аббаса I заметно стремление развить производительные силы центральных областей Ирана и обогатить их за счет завоеванных стран и окраинных областей. Эта тенденция объясняет такие меры Аббаса I, как разрушение биржи шелковой торговли в г. Джульфе и переселение его жителей в Исфахан, массовые выселения в Иран жителей из Азербайджана и *особенно из Армении* и Восточной Грузии»³⁹ (подчеркнуто нами—Л. Х.). О тех же событиях известный советский иранист М. С. Иванов пишет: «Это переселение было величайшим народным бедствием *особенно для армян*. Большая часть *армянских крестьян* была переселена в Мазандаран... Переселенные *армяне* поселились в предместьях Исфахана, где... возник специальный *армян-*

³⁶ Аракел Даврижеци, указ. соч., стр. 23.

³⁷ М. Гейдаров, указ. соч., стр. 107.

³⁸ Там же, стр. 108.

³⁹ И. П. Петрушевский, указ. соч., стр. 32.

ский пригород—Новая Джульфа. Переселяя армян... шах Аббас I стремился обеспечить свою столицу искусными армянскими ремесленниками, а также *передвинуть* в интересах шахской казны караванные пути торговли шелком»⁴⁰ (подчеркнуто везде нами—Л. Х.).

Итак, видные советские ученые отмечают *особое* значение так называемого «великого сургуна» для армян, особый трагизм положения армянского населения этих районов в связи с реализацией конкретных замыслов шаха Аббаса I.

Гейдаров негодует и по поводу того, что во «Введении» Джуга и Агулис названы «исконной родиной», «насиженными местами» армян, насильственно переселенных в Иран. Неужели всерьез можно выступать против того, чтобы говорить о Джуге и Агулисе как об «исконной родине», «насиженном месте» армян, когда Джуга и Агулис (Оскиоха), наряду с Нахичеваном и другими городами, упоминаемыми у древних историков (например, у Иосифа Флавия⁴¹) и средневековых арабских географов (Ибн Хордадбэ, Кудама, Ибн Рустэ⁴²) в качестве армянских городов, фигурируют еще в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (V в.)⁴³ и в уникальном труде по армянской географии VII в.⁴⁴ Гейдарову, видимо, можно. Причем с тем, чтобы, позабыв о «Книге Историй» и «Введении», заняться толкованием географического термина «Азербайджан» и этногенеза азербайджанского народа.

Отступление же М. Х. Гейдарова, посвященное генезису азербайджанского народа и исторической географии Азербайджана, пространный экскурс о «длительном историческом процессе экономического, политического, этнического, культурного и языкового сближения, а затем слияния»⁴⁵ народностей, проживавших на территории нынешней Азербайджанской ССР—все это, вопреки попыткам автора не «вдаваться в подробности»⁴⁶, занимает довольно много места и без подробностей—3 столбца из 10—11 столбцов, посвященных «критическому разбору» книги по истории Армении XVII в.! Не довольствуясь этим, здесь же в подстрочном примечании автор «Замечаний» признается, что «это—большая проблема, получившая свое освещение в десятках исторических трудов», даже простое перечисление которых не представляется возможным⁴⁷. В свете вышесказанного утверждение М. Гейдарова о том, что «автор (т. е. Л. А. Ханларян) преднамеренно не хочет видеть про-

⁴⁰ М. С. Иванов, Очерк истории Ирана, М., 1952, стр. 67.

⁴¹ «История Армении» Моисея Хоренского, пер. Н. О. Эмина, М., 1893, прим. 95, стр. 234.

⁴² «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXXII, Тифлис, 1903, стр. 13, 27, 29, 41, 43.

⁴³ «История Армении» Моисея Хоренского, кн. I, гл. 30, стр. 44 и прим. 55—96, стр. 234.

⁴⁴ С. Т. Еремян, Армения по «Ашхарацуйц»-у, Ереван, 1963, стр. 74.

⁴⁵ М. Гейдаров, указ. соч., стр. 109.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

цесса консолидации азербайджанцев в единый народ...»⁴⁸, звучит по меньшей мере странно. Почему «не хочет»? Мы просто не ставили перед собой такой задачи, так как она никоим образом не входит в круг интересов Аракеда Даврижеца. Наша задача была весьма конкретной: познакомить русского читателя с «Книгой историй».

При всем уважении к научному интересу М. Х. Гейдарова к исторической географии именно того уголка земного шара, где «появилась новая крупная этническая консолидация — азербайджанский народ»⁴⁹, мы не можем принять его претензий по поводу «неуважения к читательской массе, не говоря уже об истине»⁵⁰. Мы не ставили перед собой задачи определения времени появления «географического и в значительной степени и этнического понятия «Азербайджан»⁵¹, вовсе не претендовали на какие-либо разъяснения по исторической географии Азербайджана, а тем более не собирались «преднамеренно»⁵² исказить ее.

Что же касается толкования географического понятия «Великая Армения», то термин этот используется применительно к древности, а не к XVII в., ибо в XVII в. «Великой Армении» как политической единицы не существовало (в комментарии подчеркивается: «согласно древним армянским источникам», а далее идет ссылка на «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци)⁵³.

Однако географический термин «Великая Армения» долго еще употребляли для обозначения собственно Армении. Он сохранился как этническое понятие в трудах армянских средневековых историков, часто встречается в арабских и персидских источниках (в форме *Vizurg Armenia*), бытовал в грузинской действительности (в форме *Диди Сомхети*), его можно найти и в русских летописях (Арменья Великая в «Повести временных лет»)⁵⁴.

Зачем же искать тайный смысл там, где его вовсе нет? В «Замечаниях» наряду с этими «серьезными ошибками» говорится и о тех, которые больше свидетельствуют о небрежности и недобросовестности самого Гейдарова. Так, он пишет: «На стр. 525 Л. А. Ханларян, комментируя «Апостольскую церковь» в селении... Аккулис (Айлис—на территории Нахичеванской АССР), пишет, что она находилась в «Восточной Армении»⁵⁵. Что Агулис находится в Восточной Армении—факт, не нуждающийся в комментарии. Вопрос не в этом, и здесь термин «Восточная Армения» ни при чем. На стр. 220 текста Аракеда Даврижеца упоминается Апостольская церковь. И мы объясняем суть вопро-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. стр. 108.

⁵¹ Там же, стр. 109.

⁵² Там же.

⁵³ Аракед Даврижец, указ. соч., стр. 589.

⁵⁴ См. подробнее об этом С. Т. Еремян, указ. соч., стр. 66—70.

⁵⁵ М. Гейдаров, указ. соч., стр. 109.

са, но не на 525, а на 524 странице. «4. Церковь в селении Агулис Аракел Даврижеци называет Апостольской, т. к. предание приписывает апостолам Фаддею и Варфоломею строительство...» и т. д.⁵⁶

А комментарий на стр. 525 («4. Т. е. в Восточной Армении») объясняет совсем *другой отрывок* из 24-ой главы (стр. 233, а не 220), где в тексте говорится о восточных странах. И эту свою ошибку Гейдаров, увы, обращает в основание для выпада против нас. Он пишет: «Как видно, те *исторические (преднамеренные или непреднамеренные) искажения*, которые можно было прочесть между строк, в данном случае в комментариях автора принимают *намеренно откровенный характер*»⁵⁷. Как это удается Гейдарову читать «между строк», когда он испытывает затруднения при чтении написанного черным по белому?!

И далее в «Замечаниях» говорится о том, что население Агулиса в интересующий нас период состояло не только из армян, но и из азербайджанцев (а мы это оспариваем?), что «между прочим, судьей Айлиса (т. е. Агулиса—Л. Х.) в 70-х годах XVII в. был Азербайджанец Мусабек», что Агулис и вся область Нахпчеванская «в период правления Сефевидов административно и территориально входили в состав Азербайджанского беглярбекства с центром в Тебризе»⁵⁸.

Если даже допустить, что все это верно, опять-таки остается непонятным связь этих фактов с Апостольской церковью и вообще с сочинением Аракела Даврижеци. Меж тем Агулис и вообще вся древнеармянская Нахпчеванская область в период, описываемый Аракелом, входили в состав не Азербайджанского, а Чухур-Саадского (т. е. Ереванского) вилайета⁵⁹.

Еще один пример своеобразного цитирования текста Гейдаровым: на стр. 106 «Известий» говорится: «... Сочинение А. Тебризского... изобилует ошибками фактического характера. И не случайно... вслед за М. Броссе и другими историками (?), автор перевода вынужден был отметить...» и т. п. В приводимой ниже цитате Гейдарова допущена *недопустимая вольность*, противоречащая элементарной научной этике. В комментариях к «Книге историй» на стр. 547 написано: «В этой и следующей частях *хроники* (т. е. главы 51-ой—Л. Х.), приводимой нашим автором, много неточностей и несоответствий в датах и цифрах, много повторений, но так как историки, для которых эти данные представляют определенный интерес, снабдили их подробными комментариями (напр. М. Броссе), мы не сочли необходимым комментировать факты и даты или исправлять эти неточности...».

Таким образом, речь идет лишь *об этой и следующей частях хроники, т. е. 51-ой главы*, а М. Гейдаров хочет внушить читателю, что речь идет о 51—56 главах!

⁵⁶ Аракел Даврижеци, указ. соч., стр. 524.

⁵⁷ М. Гейдаров, указ. соч., стр. 109.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ См., в частности, документы, приводимые И. П. Петрушевским в указ. соч., стр. 142—143.

Далее М. Х. Гейдаров пишет: «Субъективизм Л. А. Ханларяна *переходит все границы*, когда по-овоему распоряжается этническими терминами. Говоря о народах, соседствующих с армянами, он упоминает грузин, албанов, персов, турок, евреев, гебров и т. п. (стр. 21). А где же азербайджанский народ, ближайший сосед армянского народа?» — патетически восклицает он.

Здесь следует сказать, что во «Введении» — это единственное и отнюдь не преднамеренное употребление этнического термина «албанский народ» вместо «азербайджанцев». Зато Гейдаров в своих обвинениях дважды (на стр. 108 и 109) повторяет допущенную нами оплошность.

Относительно географического термина «Атрпатакан»: в книге (речь идет о нашем введении и комментариях, а не тексте Аракела) этот «архаичный» термин упоминается лишь на стр. 16, зато в примечаниях к одной из первых глав⁶⁰ подробно разъясняется, что имели в виду под Атрпатаканом армянские источники; даже в указателях в скобках приводится объяснение этого термина. И, наконец, Атрпатакан (или Атрпайакан) в армянских средневековых источниках столь же правомерен, сколь Адорбиган — в византийских, Адурбиган — в сирийских текстах, а Азербайджан — в современных. И разве последний термин не является производным от Атрпатакана через арабско-персидскую форму Адребадаган?⁶¹ Ни один объективный читатель не узрит здесь крамолы и тем более не подумает, что Ханларян «не уважает читательскую массу» и «чурается» термина Азербайджан, ибо последний без всякого труда можно найти в тексте с помощью географического указателя. Там наряду с «Атрпатаканом» указаны «Азербайджанская ССР», «Азербайджан», «Южный Азербайджан» и «Азербайджан в Сефевидском Иране». Но Гейдаров старается выискать подвох, ошибки, а если не удастся, сам же их создает. И затем вещает: «Односторонний подход Л. А. Ханларяна (в случае с албанами «субъективизм» Ханларяна «переходил все границы» — Л. Х.) к историческим явлениям... становится еще более очевидным, когда автор довольно вольно обращается с этнической и географической терминологией»⁶².

Если автора «Замечаний» действительно интересовал вопрос о том, где в книге Аракела Даврижеци говорится об азербайджанцах, достаточно было бы просмотреть «Указатели» в конце книги⁶³.

Причем, где бы Аракел ни говорил о положении эксплуатируемого и гонимого народа, рядом со своими соотечественниками — армянами он говорит и о других народах. И говорит с горячей симпатией и огромным состраданием к судьбе преследуемого народа, даже не «единоверного» ему — «мусульман» и «иудеев», «коптов» и «гебров». В то же

⁶⁰ Аракел Даврижеци, Комментарий, стр. 514, пр. 2, к гл. 3, а также стр. 550, пр. 2, к гл. 55.

⁶¹ Сведения об этом можно найти в работе С. Т. Еремяна, указ. соч., стр. 38 и далее.

⁶² М. Гейдаров, указ. соч., стр. 108.

⁶³ Аракел Даврижеци, указ. соч., стр. 605—618.

время он наряду с мусульманскими захватчиками своей родины клеймит немало христиан, хоть и верных своей религии, но принесших горе и разорение армянскому народу⁶⁴.

И это не могло, не должно было остаться незамеченным М. Гейдаровым. Во «Введении» к книге подчеркивается: «Главным героем «Книги историй» Аракела Даврижеци является народ. Какие бы события ни описывал автор, какой бы период или географические рамки он ни охватил... он пишет о народе: о его страданиях и борьбе, о его надеждах и чаяниях, о его созидательном труде и подвиге. И не только за армянский народ болеет Аракел: на страницах его «Книги историй» можно встретить поработанных и угнетенных представителей и других народов: евреев и азербайджанцев, жителей Арагстапа (Персидского Ирака) и Грузии, подвергающихся политическим и религиозным гонениям»⁶⁵.

Он пишет историю своего родного народа, но армян видит и изображает только в окружении и во взаимодействии с соседними народами. И это отношение автора, красной нитью проходящее через все его сочинение, а не вымышленный «дух рассечения народов на религиозно-антагонистические категории»⁶⁶, должен был увидеть М. Х. Гейдаров в «Книге историй». Ведь и к прозелитам Аракел Даврижеци проявляет дифференцированный подход: тех, кто отреклись от своей веры из-за нищеты и безвыходного положения в результате насильственного переселения, «вынуждаемые голодом», он жалеет, находит для них оправдание, сочувственные слова⁶⁷, другие же, кто «изменил вере отцов своих» по доброй воле, ради благополучия и ожидаемых материальных выгод, вызывают у него лишь чувство антипатии и гнев, историк характеризует их резко отрицательно⁶⁸. И во всех случаях он истинный народолюбец.

Что же касается «других недостатков и неточностей»⁶⁹, которые Гейдаров тщательно отобрал из «целого ряда других недостатков и неточностей издателя и переводчика А. Тебризского Л. А. Ханларяна»⁷⁰, то они, как легко убедиться в этом, сводятся к двум датам (год рождения шаха Аббаса I и год смерти шаха Худабенде), одна из которых — обычная опечатка; к не совсем правильной характеристике истории Турции периода правления Мурада IV и к определению единицы меры веса, называемой ратль. Первые три из перечисленных замечаний мы с благодарностью принимаем. Относительно последнего считаем необходимым дать некоторое разъяснение, дабы не поставить читателя перед неразрешимой дилеммой (поскольку в комментарии мы пишем:

⁶⁴ Там же, стр. 68.

⁶⁵ Там же, стр. 26—27.

⁶⁶ М. Гейдаров, указ. соч., стр. 106.

⁶⁷ Аракел Даврижеци, указ. соч., стр. 127.

⁶⁸ Там же, стр. 80—81.

⁶⁹ М. Гейдаров, указ. соч., стр. 110.

⁷⁰ Там же.

«ратль—мера ювелирного веса», а Гейдаров, ссылаясь на очень солидные источники,—«Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему» В. Хинца и «Дневник» Закария Акулисского, называет ратль «мерой веса для сыпучих тел, шелка-сырца и т. д.» и исчисляет его весом от 458, 976 г. до 7,697 кг).

У Хинца ответ на этот вопрос далеко не так категоричен, как у Гейдарова. В. Хинц подчеркивает, что ратль «является наиболее употребительной мерой веса на арабском Востоке» и приводит длинный список эквивалентов ратля. Однако не следует забывать о тексте. Комментируемый отрывок гласит: «Изумруд продается ратлями—три пшеничных зерна составляют один ратль»⁷¹. Так говорит автор—ювелир и знаток драгоценных камней. Аракел Даврижеци пишет о нем: «Сам он занимается ремеслом брильянщика, который шлифует и вправляет драгоценные камни, а также покупает и продает их»⁷².

Так вот этот ювелир покупал и продавал в XVII в. изумруд *ратлями*, т. е. мерой веса, равной трем пшеничным зернам, а М. Гейдаров уверяет, что изумруд тогда мерили килограммами— от 0,5 (точнее 458, 976 г.) до 7,5 (точнее 7,697 кг.).

Не довольствуясь целым рядом приписанных нам, на деле не существующих, методологических и фактических ошибок, М. Гейдаров обвиняет нас в нарушении норм научной этики: в «Замечаниях» сказано, что мы не упоминаем о хранимой под инвентарным № 1276 в НАИИ АН Азерб. ССР рукописи перевода с древнеармянского на русский «Книги историй» Аракела Даврижеци, выполненного неким Т. Тэр-Григоряном⁷³. М. Гейдарова абсолютно не заботит то обстоятельство, что хорошо знакомый ему архивный документ, созданный, по всей видимости, для внутреннего пользования, мог быть и в действительности был не только недоступен, но и вовсе неизвестен нам. Более того, вышеупомянутый перевод неизвестен и другим исследователям. Все исследователи, интересовавшиеся трудом Аракела Даврижеци и пользовавшиеся его данными (напр. И. П. Петрушевский, «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв.» изд. 1949 г., А. С. Тверитинова, «Восстание Кара Языджи—Дели Хасана в Турции», изд. 1946 и др.) ссылаются на французский перевод, осуществленный академиком М. И. Броссе в 1874 г., а не на хранящуюся в архиве неизвестную рукопись русского перевода Тэр-Григоряна.

Полемике с М. Х. Гейдаровым можно было бы продолжить, но и из изложенного очевидно, что имеет в виду под «серьезными методологическими и научно-теоретическими ошибками», а также «рядом других недостатков и неточностей» автор «Замечаний». Не ясны лишь причины и цели усилий автора «Замечаний».

⁷¹ Аракел Даврижеци, указ. соч., стр. 458.

⁷² Там же, стр. 453.

⁷³ М. Гейдаров, указ. соч., стр. 105.

Как было сказано, Аракел Даврижеци—историк, труд которого специалисты по справедливости называют первоклассным источником по истории Армении, Азербайджана и других стран Закавказья и Передней Азии. Его труд высоко ценят советские, да и не только советские, историки за достоверность, осторожность и критичность автора и за независимость от официальной историографии Сефевидского Ирана.

Все вышесказанное вынуждает нас констатировать, что «Замечания» Гейдарова тенденциозны, несправедливы, мягко говоря, грешат перед исторической правдой.

Մ. ՀԵՅԴԱՐՈՎԻ «ԴԻՏՈՂՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ» ԱՌԹԻՎ

ԼԵՆԱ ԽԱՆԼԱՐՅԱՆ

Ու մ փ ո փ ու մ

Ադրբեջանական ՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագրում» (1975, № 2) լույս է տեսել Մ. Հեյդարովի «Замечания о предисловии и комментариях Л. А. Ханларяна к сочинению Аракела Даврижеци «Книга историй», перв. с арм. М., 1973». «Դիտողությունների» հեղինակի կարծիքով նշված հրատարակության «Առաջաբանն» ու «Ծանոթագրությունները» չի են մեթոդոլոգիական և գիտա-տեսական սխալներով: Հեյդարովի քննադատությունը, ըստ էության, ուղղված է Առաջևի Դավրիժեցու դեմ: Այդ «քննադատությունը», սակայն, անհիմն է և զուրկ գիտական տարրական բարեիղճությունից: